

Книга издана при участии издательства «Эксмо»

Санс, Софья.

C18 Тайны мёртвых / Софья Санс. – Москва, 2017. – 400 с. – (Книги, улучшающие жизнь).

Он не понимал смысла жизни... Он увидел реальность глазами Бога... Он понял, что никогда не знал настоящей любви... Он нашел ответы на других планетах... Он рассказал свою историю из мира мертвых...

КНИГА «ТАЙНЫ МЁРТВЫХ» – это откровение реального человека о собственной жизни после смерти: книга написана посредством ченнелинга души Яна с автором. Ян делится с читателями ценными фактами о цели нашего пребывания на земле, о борьбе с силами зла и о приближении к Божественному источнику.

**УДК 133.3
ББК 86.42**

Предисловие

Я являюсь крупным специалистом по ченнелингу. Я была в группе, в которой мы глубоко изучали возможности гипноза, в том числе и в плане ченнелинга, к которому у меня было большое дарование. Группа состояла из больших и известных в РФ специалистов в области гипноза, где я в совершенстве овладела многими его методами.

Так вот, однажды во время проведения сеанса контакта с развоплощенными душами, со мной связалась душа Яна — молодого человека, ставшего героем этой книги, и попросила меня изложить его историю жизни и смерти. Получилось очень яркое и необычное повествование о загробной жизни, которое подтверждалось и другими моими контактами.

Ян также попросил меня изложить конец его жизни, где он описал свою склонность к суициду. Я сперва не хотела, чтоб это было в моей книге. Но Ян настоял, объясняя, что, таким образом, многие склонные к этому люди смогут осознать и понять себя лучше, что поможет им избежать этой наклонности. К тому же, это позволит им понять окружающим людям, что также будет способствовать уменьшению этого явления, ведь оно возникает в процессе непонимания людьми друг друга и самого себя. Побеседовав со многими ведущими психиатрами и психологами, которые подтвердили, что это описание будет полезно для изжития этой проблемы, я оставила его в своей книге, как и просил Ян. Кроме того, эта книга проливает свет на тесную связь с нами существ тонкого плана, что помогает понять причины многих психологических состояний и поступков, которые совершает человек под воздействием этих существ и душ умерших людей, что также очень важно для понимания причины своих мыслей и побуждений.

Софья Санс

Глава 1. Тайны мёртвых

Ян шел по кладбищу среди могил и памятников, усыпанных желтой осенней листвой. Было пасмурно. Моросил мелкий дождик. Но ему нравилась такая погода. Нравилось бродить по кладбищу в тишине и покое, особенно вечером, когда там не было людей. Он шел и размышлял о жизни и о смерти.

Сегодня он понял, что снова хочет прийти сюда, чтобы унять мысли, которые навозными жуками шевелились в голове, мешая уснуть. Под ботинками уютно шелестели разноцветные листья, ветер швырял их под ноги, засыпал чужие могилы. С неба сыпался мелкий дождь, и он поднял голову вверх, стараясь поймать губами каплю. Мокрые листья падали на чьи-то выгравированные лица и фотографии, на буквы эпитафий, на черный мрамор памятников. Все это было, наверное, красиво, но сейчас эта красота только мешала ему сосредоточиться.

Иногда он останавливался, курил и читал надписи, вглядываясь в даты смерти. Почему-то это было важно. «Иванова Татьяна Ивановна, родилась в 1918 году, а умерла аж в 1999-м. Молодец, Татьяна Ивановна, ты прожила долгую жизнь. В этой жизни были революции, войны, наверное, эвакуация или оккупация, были послевоенный голод и хлеб по карточкам. Ты, Татьяна Ивановна, не жила, а выживала, и тебе в голову наверняка не забредали те мысли, что поселились в моей. А вот детская могила: Степанов Сережа. Ты, Сережа — счастливчик, ты ничего не понял. Пришел сюда, улыбнулся и ушел. Думаю, ты еще не успел понять, что жизнь — это и есть самый настоящий ад. Вот я, Сережа, еще совсем молод, можно даже сказать, юн, а уже совсем не хочу жить. Надоело мне все это, Сережа, понимаешь? Нет, ты, Сережа, меня точно не поймешь, вот Татьяна Ивановна — она бы могла. Хотя...

«Вот, я такой молодой, — думал он, — а уже не хочу жить, надоело. Это, наверно, странно. Взрослые говорят, что я чеканулся, но ведь я не один такой. И сейчас появляются целые движения готов и эмо. Они тоже находятся в похожем состоянии, пишут стихи, поют о смерти, о нежелании находиться в этом мире. Почему так? Ведь раньше такого не было. Видимо, этот мир окончательно прогнил, стал фальшивым, искусственным. Так что более чувствительные люди, как я, как эмо и готы, не хотят жить в этом мёртвом, пластмассовом мире среди мертвых людей, которые живут как зомби, как роботы, и не хотят просыпаться из своего сна. Они лгут. Постоянно лгут и притворяются, что все хорошо. Но ведь уже всем понятно, что мир идет к гибели. Но они

надели розовые очки и не хотят видеть правду, видеть все как есть, реально».

Стало темно, дождь усилился, Ян поднял воротник, чтобы защититься от холодных капель, и пошел к выходу, провожая взглядом знакомые надгробья.

«Им хорошо, для них все уже кончилось, а я должен еще мучиться. И непонятно, чего ждать», — думал он.

В пустом зале на небольшой сцене в институте репетировала самодеятельная группа «ЧП». Музыка для ребят была скорее средством самовыражения, чем попыткой привлечь к себе внимание. Ян, солист группы — высокий блондин с длинными волосами и голубыми глазами играл на гитаре и пел потусторонним голосом в стиле рока:

*Это не для тебя: чрево матери — тесный тугой мешок.
Это не для тебя: беспрестанных рождений ужасный шок.
Это не для тебя: муки роста, когда ты не можешь ходить.
Это не для тебя, но мы все же сумели с тобой угодить
В этот бранный мир, в этот долгий плен,
Не проехать мимо больших проблем.
Находиться здесь, жизнь свою губя —
Это не для тебя! Это не для тебя!*

В зале сидела девушка Яна, Инна, и наблюдала его выступление. Она всегда садилась сюда, потому что здесь Ян сразу же замечал ее и знал, что она его слушает.

Инна влюбилась в него с первого взгляда и сейчас, когда их роман продолжался уже больше года, снова подумала о том, как она любит его. Она любит его, а он хочет умереть. При мысли об этом ей стало так тяжело, что она чуть не расплакалась. Опустила голову и посмотрела на свои руки. «Все будет хорошо», — пробормотала она вслух и снова взглянула на сцену.

Ян пел, глядя куда-то перед собой, перебирая струны тонкими пальцами. В ответ на его слова в зале кто-то захлопал, и Инна узнала одного из друзей Яна — кажется, его звали Саша. Про Сашу Ян говорил, что тот любит травку больше девушек. Сам Ян тоже не отказывался от косячка, поэтому Инна подумала, что и сегодняшний вечер закончится традиционно: ребята будут курить траву и делать вид, что говорят о смысле жизни. На самом деле каждый из них говорил другому о бессмысленности собственного существования и искал точку опоры — ту точку,

которую Инна обрела, только познакомившись с учителем. Но Яна не интересовали такие простые и ясные пути. Он предпочитал думать, что жизнь — это движение в никуда.

В последнее время Инна часто думала, что она не держит Яна, а цепляется за него. Она напоминала себе глупую рыбу, схватившую острый крючок. Этот крючок царапал горло, и ей все больше хотелось плакать.

— Знаешь, Ян, — иногда хотела сказать она ему, — ты не один видишь перед собой эту бессмысленную пустоту, я сама столкнулась с ней лет в пятнадцать, когда однажды ночью проснулась от странного ощущения. Все тело ломило, кровь прилила к голове. Казалось, что нечем дышать. Тогда я села на кровати и подумала, что вот прямо сейчас умру. И эта была какая-то легкая спасительная мысль...

После этого Инна срезала бритвой челку, покрасила ее в розовый цвет и стала подводить глаза черной тушью. Родители были в шоке: что же это такое, дочь стала похожа на чучело! Она стала слушать странные завывания, которые называла музыкой, и рваные ритмы этой музыки постоянно слышались из ее комнаты. А Инне казалось тогда, что она нашла то, что искала. Любовь, слезы и смерть — все это, если задуматься, очень похоже. Она познакомилась с такими же парнями и девчонками. Они курили траву и много говорили о себе, мало слушая друг друга. Девчонки почти все страдали анорексией. Они рассуждали о культе худого тела, и вскоре Инна тоже почти перестала есть. Сначала истончились руки и стали похожи на узловатые веревочки, потом ввалился живот, вылезли ребра. Инна стала напоминать маленькое несчастное привидение с красным ртом и запавшими глазами.

Так продолжалось больше года. Родители таскали ее к психотерапевтам, а она прятала еду, которой пичкали ее за обедом, и потом тихонько выбрасывала в мусорное ведро. Психотерапевты беседовали с ней об ответственности и любви, она смеялась — что эти толстые унылые тетки знают о любви? Это было смешно, правда, смешно, пока она не встретила Яна.

Она влюбилась в него со спины. У него были очень прямые плечи и светлые волосы, которые легко касались этих плеч. Впервые ей захотелось коснуться чьих-то волос, зарыться в них лицом, вдохнуть запах. Потом он обернулся, и она задохнулась, столкнувшись взглядом с его синими тоскливыми глазами.

Она вспомнила, как остановилась тогда, схватившись за горло. Она показалась себе слабой и беспомощной. Впрочем, такой она и была. Такой и осталась.

Когда через неделю после первой мимолетной встречи она заговорила с ним, он хмуро поглядел на нее и ответил, что такие слабаки, как эмо, не интересуют его, даже если они девчонки.

— Я не слабачка, — ответила Инна.

— Ну, докажи, — он насмешливо глядел на нее сверху вниз, но в глазах по-прежнему стояла тоска.

«Как талая вода», — подумала она, вглядываясь ему в лицо, а потом резко нагнула к себе его голову и поцеловала Яна в губы.

Как она решилась на это, Инна не понимала до сих пор. Он смутился: она видела, как в первый момент Ян от неожиданности отшатнулся, но уже в следующий момент сам привлек ее к себе и ответил на поцелуй.

Так все и завертелось. Сейчас Инна смотрела на Яна из темного зала и вспоминала их первую ночь. Родители уехали на дачу, и она позвала его к себе. Ян пришел, и уже в первый момент, открывая ему дверь и глядя в расширенные зрачки, Инна поняла, что он наглотался колес. С тех пор она уже не удивлялась — наркотики давно стали частью их секса, их любви.

— От них реально вштыривает, — объяснял ей Ян, но она, с тех пор как в ее жизни появился Калки, знала, что вштыривает совсем от другого.

Тогда, в их первую ночь, он был груб, нетерпелив и весел. Ян срывал с нее одежду, кусал в плечо и все время смеялся. Она не сопротивлялась, ведь её душа, её тело долго ждали этого момента, что голова мало что соображала. Она помнила, как он мял в руках ее грудь, словно не зная, что с ней делать.

— Я люблю тебя, — шептала она, чтобы как-то смягчить его жесткий напор, но эти слова еще больше распаляли Яна. Он повалил ее на кровать и резко вошел, не обращая внимания на ее боль. Инна сжала губы, чтобы не закричать и обвила его ногами.

Потом Ян долго извинялся и обнимал ее, но Инна ему не верила.

Так проходили и их следующие встречи. Тоска разрывала его изнутри, и он как мог боролся с этой тоской, причиняя девушке боль, требуя дать денег на очередную дозу или отчаянно прижимая ее к кровати, заставляя полностью подчиниться его ярости.

Слишком много ярости, слишком много тоски: он, словно мотылек, упрямо летел на огонь, но и это не приносило ему облегчения.

Она смотрела на него из темного зала — Ян стоял в самом центре света.

— Как ангел, — прошептала она и усмехнулась. Инна снова погрузилась в воспоминания. На этот раз её память прокрутила сцену, как он в

первый раз пришел к ней, требуя денег. Она пыталась объяснить Яну, что денег нет — родители ее не баловали, выделяли раз в месяц баксов сто-двести в рублях, которые она обычно тут же отдавала ему. Но в тот раз он ничего не хотел слушать: «Стерва, дрянь! — орал он. — Гони бабки, грязная сука!». Она не плакала, просто смотрела в его глаза, но видела только бессмысленно расширенные зрачки и тоненькую синюю вену, выступившую на лбу.

— Чего смотришь? — неожиданно спросил он, потом схватил ее за розовую челку и дернул вниз. Она ударилась лицом об его колено, из носа полилась кровь. Инна пыталась подставить руки под тонкую струйку, но руки тряслись, и кровь текла на пол, разливаясь у ног розовой лужей.

— Она такого же цвета, как моя челка, — подумала тогда Инна, и ее вырвало.

Спустя неделю они помирились. Она до сих пор удивлялась, как смогла простить Яна. Но простила, наверное, благодаря учителю, и никогда не напоминала Яну той грязной истории. Только челку она перекрасила в темно-русый, и теперь выглядела как примерная девочка. Особенно рядом с ним.

Инна знала, что ей не остановить его, чувствовала, что он любит ее не так, как ей представлялось в романтических подростковых грезах. Ну и что? Ей было все равно. Ей давно уже было наплевать на то, что думают родители и немногочисленные друзья. Да и друзей-то с появлением Яна у Инны почти не осталось. Он требовал всего. Времени, эмоций, сил. Иногда девушке казалось, что она так устала от всего этого, что готова послать его к черту и просто отдохнуть. Но Ян приходил, улыбался одними губами, обнимал ее, прижимал к себе, заставляя вдохнуть родной запах его юношеского тела, и она забывала обо всем. И она глядела на него, а он глядел в пространство, как в песне усталого барда.

После импровизированного концерта друзья расселись и, дымя курительной смесью, разговаривали и громко смеялись.

Инна подошла к Яну и взяла его под руку. Он улыбнулся, увидев девушку, и сам обнял ее за плечи.

— Я видел тебя, — шепнул он на ухо.

— А я тебя, — сказала Инна и, не таясь, поцеловала его.

Парни раскурили косяк и пустили его по кругу. Инна отказалась, еще сильнее прижавшись к Яну. В такие моменты она думала, что их

ничто не сможет разлучить. Но Яну было уже не до нее. Он спорил с Ваней, который играл в их группе на барабанах.

— Каждый может решить, быть или не быть, — горячился Ян.

— Ну, ты прям, как Гамлет, — засмеялся Ваня.

— При чем тут Гамлет? — Ян дернулся, и Инна поняла, что он по-настоящему разозлился. — У нас есть свобода выбора жить или умереть. И это надо решить в первую очередь, стоит ли быть тут или нет, где кругом одна ложь политиков, грязь, предательство, эксплуатация людей. Что это за мир? А ведь мы живем еще пока без войны и голода, но люди все равно страдают, мучаются. Зачем это все?

— Ян, успокойся, — сказал ему Антон, хлопая его по плечу. — Я вижу — ты совсем перекурил. Вот, возьми таблетку «Амфитамина», съешь, развеселись хоть маленько.

И он протянул ему дурь.

— Нет, не надо, — отодвинул его руку Ян. — Это не поможет. Я все равно буду видеть все реально. Ты еще просто не созрел, еще в розовых очках. А я их снял.

Внезапно дверь распахнулась, и в зал зашел декан их факультета и, заметив, что парни сильно под кайфом, стал гнать их из зала. Схватив пепельницу, полную окурков, он точным броском метнул ее в урну, а затем, повернувшись к парням, процедил сквозь зубы:

— Вы что тут делаете!? Немедленно убирайтесь! Я доложу ректору о вашем поведении, вызову родителей!

В этот момент он увидел Инну, которая безуспешно пыталась спрятаться за спину Яна.

— А ты, Инна, ты же хорошая девочка! — в голосе декана прозвучали какие-то плачущие интонации. — Что ты делаешь с этими подонками!? Ян не выдержал этой тирады и выпалил в лицо декана:

— Я вообще не собираюсь учиться в вашем институте! Так что не разоряйтесь зря. Чему вы тут учите!? Я хочу стать миллионером, разве вы можете этому научить!? Я хочу быть здоровым, счастливым, уметь знакомиться с девушками. А вы чему учите!?

Декан слегка опешил от такого наезда, но возразил:

— Мы даем тебе профессию, чтоб ты не был чернорабочим, а мог нормально работать, продвигаться по карьере.

— Нормально работать... — передразнил его Ян. — Да половина выпускников не могут на нее устроиться, так как все места заняты, и пополняют ряды бомжей или работают по другим специальностям!

Остальные всю жизнь работают за три копейки! Мне не нужно такое образование, которое ничего не может мне дать! Я ухожу!

— Ну вот и уходи, — декан взялся за ручку двери. — Зачем нам нужен наркоман?

— Пойдем, Ян, — потянула его за руку Инна. — Зачем ты опять скандалишь?

— Ладно, — бросил Ян. — Прощайте! — и, выругавшись и сплюнув в угол, он с друзьями вышел из зала.

— Ну, ты ему выдал! — радостно сказал Антон, обращаясь к Яну.

— Я тоже так думаю, — заметил Кирилл. — Если бы не родаки, давно бы ушел из этого гребаного вуза. Умные люди учились на «двойки» и стали миллиардерами, а отличники всю жизнь живут на одну зарплату или становятся бомжами.

Инна беспокоилась, чтобы Ян чего-нибудь не вытворил в таком состоянии, и решила проводить его до дома.

— Ян, пойдем к тебе? — предложила она.

— Ладно, пойдем, — сказал он. — Покедова всем!

Выйдя на улицу, друзья распрощались и пошли восвояси.

Инна легла рядом с Яном, обняла его, прижалась, все еще пытаясь удержать его, сделать вид, что ничего не случилось. Очень скоро она уснула, уставшая от событий этого тяжелого дня.

Ей снился сон. В этом сне ей сказали, что Ян умер. У женщины-милиционера, сообщившей это, был стеклянный взгляд.

— Вы должны прийти на опознание, — сказала она.

Инне было страшно. Так, как не было никогда в жизни. Она оказалась в холодном морге, где у всех покойников на пятках были написаны номера: 1, 2, 3, 4... У Инны закружилась голова, она схватилась за холодную стену, чтобы не упасть.

— Вам не сюда, — равнодушно бросила женщина и подтолкнула ее к белой двери.

Инна взялась за ручку, медленно открыла дверь и вошла внутрь. Там, на столе, покрытом какой-то рваной клеенкой, сидел малыш. У него были светлые пушистые волосы и огромные голубые глаза. Увидев Инну, он радостно улыбнулся беззубым ртом и протянул к ней руки.

— Это он? — строго спросила женщина.

— Да, — закричала Инна, — Ян, Ян, Ян!

Проснувшись, она увидела, что Яна нет рядом. Инна коснулась мягкой подушки, обняла ее, все еще находясь под впечатлением собствен-

ного сна. На часах было четыре утра. Свет налитой, словно антоновское яблоко, луны слепил глаза. Инна встала с кровати и тихонько прокра-лась в коридор.

Глава 2. Самоубийство

Ян любил Инну, но собственную тоску любил больше. После первой неудачной попытки самоубийства, когда он наглотался таблеток, Ян все время думал о смерти. Он изменял с ней Инне, представлял, как погружается в нее, словно в вязкую темноту, и все больше приходил к мысли о бессмысленности человеческого существования.

Сегодняшний разговор с ректором окончательно добил его. До-ждавшись, когда Инна уснет, он еще какое-то время лежал рядом, прислушиваясь к ее ровному дыханию.

— Прости меня, — тихонько сказал Ян и на цыпочках пошел в ван-ную.

Ян закрылся в ванне, набрал теплой воды, лег в воду и, взяв бритву, поспу-нул ей по рукам, вскрывая вены.

«Вот и конец», — подумал он.

Кровь потекла по рукам в воду. Он снова затянулся сигаретой с ку-рительной смесью и, одев наушники, стал слушать свою любимую пес-ню из концерта Градского «Рок»:

*Я прибыл в этот мир совсем слепым,
Согласья не спросили, в мир втокнули.
Все обещания развеялись, как дым.
Свечу надежд зловонием задули!
Недолго в этом мире задержусь.
Посланьем этим с вами я прощаюсь.
Улыбкой вам Джоконды улыбаюсь.
Расстаться с жизнью вовсе не боюсь...*

Он еще раз затянулся, дурман стал действовать, и ему показалось, что он плавает в свинцовом море, кровавые змеи вылезают из его рук и уплывают. Его тело исчезло, и он стал расплавленным свинцом. Ум рас-пался на сотни кусочков отдельных мыслей, его нет, он просто взгляд, виденье и ничего. Зазвучало странное слово, переливаясь тысячью от-тенков: кленьдя, сленьдя, мненьдя, гленьдя... Все стало нереальным, он проваливался в какую-то мглу...

Когда Инна увидела закрытую дверь, то все сразу поняла. Разбудила родителей Яна. Бледная, как полотно, стояла и смотрела, как они взламывают дверь, врываются в ванную... Ян лежал в красной воде с закрытыми глазами и улыбался. Инна тихонько сняла с него наушники.

*Судьбою вам навеки суждено
Нести тяжелый крест повиненья.
Кровавым потом залиты сомненья.
И то, что будет дальше — все равно.
Вскрываю вены лезвием себе,
Я ухожу туда, куда уносят крылья.
Не совершаю над собой насилия.
Прими, Иисус, я двигаюсь к Тебе! —*

неслось оттуда. Инна схватилась за голову, тихонько опустилась на холодный белый кафель и закрыла глаза.

Ян очнулся на больничной койке под капельницей.

«Я опять жив», — подумал Ян.

— Сволочи, вы опять вернули меня к жизни! — заорал он и стал вырываться, но его руки и ноги были привязаны к койке.

«Опять я в дурдоме», — скрежеща зубами, подумал Ян.

— Отвяжите меня, гады! — орал он.

Ян дергался и выгибался на кровати, пытаясь отвязать руки.

На крик пришел врач и сделал ему укол.

— Хватит меня успокаивать! Дайте мне умереть, как я хочу... — бешлся он, погружаясь в сон...

На следующий день, сидя напротив психолога в смиренной рубашке, он кричал:

— Что вам надо? Я сам решу, как мне жить или нет! Я свободный человек!

— Подумай о родителях, — увещевал психолог Яна.

— А что мне о них думать!? Они мне только все запрещают и заставляют делать то, чего я не хочу: учиться, работать! Не дают жить с девушкой, не разрешают ночью громко слушать музыку, употреблять наркотики! Я не просил их меня рожать, пусть не лезут в мою жизнь!

— Подумай, ведь самоубийство — это грех, — увещевал психолог.

— Грех? — иронично парировал Ян. — Это выдумки попов, чтоб все боялись выйти из игры и батрачили на дядю! А Бог, где он!? В мире творится одно говно: войны, революции, погромы, терроризм, преступность, голод, болезни, нищета, ложь политиков, пьянство! Похоже, что

либо Богу плевать на нас, либо он умер! Я не хочу жить в таком мире! А вас!? Вас, что держит здесь!? Страх смерти? Или иллюзия, что скоро будет лучше!? А меня уже ничто не держит! Так что давай, развязывай смирительную рубашку!

Психолог устало махнул рукой, подошли санитары и опять закололи его нейрорептиками...

Глава 3. Правовое государство

Инна, узнав от его матери, что он опять хотел покончить с собой, расстроенная, пошла в свою духовную школу к гуру Калки спросить совета, что делать.

Инна сидела напротив учителя и горько плакала. Гуру Калки не останавливал девушку, просто взял за руку, прижал ее руку к своей груди, и Инна почувствовала, что отчаяние понемногу уходит из сердца.

— Помните Яна? — обратилась она к Калки. — Мы как-то приходили с ним на занятие.

— Да, конечно, помню, — с большой добротой в голосе ответил гуру.

— Так вот, он опять взялся за наркотики и пытался покончить с собой. Отчего это происходит? — заплакала она.

— Не переживай, — обнял ее учитель. — Просто он не нашел свой смысл в жизни, а суррогатный смысл, который ему подсовывает болезненное общество, ему не подходит. Это его протест против зла и несправедливости, которые он видит и не хочет жить в этом. Ему надо показать, что он может изменить этот мир, если начнет с себя. А наркотики люди принимают, чтобы войти в другое восприятие, более свободное, незагруженное запретами, противоречиями, проблемами, комплексами, ложью, которые нам навязало неправильное воспитание.

Яд отключает ту часть мозга, где находится общественная личность, и человеку становится легче, он выходит в тонкий план и получает там необычные впечатления. Но чтобы этого достичь, не обязательно зависеть от химии: надо, чтобы он начал практиковать трансовые и медитативные практики, и они ему помогут навсегда избавиться от гнета общественной личности с ее проблемами, и в астрал будет выходить без наркотиков. Приводи его к нам на занятия и, возможно, я успею ему помочь.

После разговора с учителем Инна как всегда почувствовала облегчение и душевный подъем. Теперь она поняла, что главное — потопиться.

Когда Яну, наконец, разрешили покинуть психиатрическую больницу, он, одеваясь, выглянул в окно и увидел неподалёку от крыльца Инну. Она ждала его. Ян смотрел на нее в окно и видел тонкий силуэт, светлый плащ и кудряшки темных волос под капюшоном. Он вдруг понял, как ему не хватало ее все эти дни.

— Если я умру, то никогда ее не увижу, — неожиданно подумал он, и что-то сжалось внутри от тяжелого предчувствия.

Увидев выходящего из больницы Яна, Инна улыбнулась и пошла на встречу. Они обнялись и долго стояли на ветру, не замечая удивленных взглядов врачей, проходивших рядом.

— Ты считаешь меня дураком? — Ян пытался заглянуть ей в глаза.

Инна отрицательно мотнула головой.

— Знаешь, — сказала она, немного помолчав, — я видела тебя ребенком той ночью.

— Где? — спросил Ян.

— Во сне...

В воскресенье Инна и вышедший из психиатрической больницы Ян пришли на занятие к Калки. В большом светлом зале собралось много людей.

Ян смущенно посмотрел на Инну:

— Я не думал, что здесь будет так много народа.

— Его очень любят. Многим из них, — Инна обвела рукой зал, — Калки очень помог.

Калки в черном хитоне со знаком S на груди, вышитым золотом, в высокой жреческой шапке, начал проповедь:

— Все страдания человека, все зло на Земле, вся слепота и невежество людское основаны на чувстве отдельности человека от Бога, от других людей, от мира. Он воспринимает себя обособленно. Он не видит, что весь мир пребывает в единстве, что все взаимосвязано, что отделенность иллюзорна, ее не существует, и это ложное восприятие порождает эгоизм. И когда несколько эгоистов встречаются вместе, то начинается конфликт, выяснение кто прав, кто сильнее, возникает война. Один хочет подчинить и использовать другого, обокрасть его, заставить делать то, что он хочет. Если это не удастся сделать насильем, то в ход идет ложь, обман, прикрываемая политикой, религией, идеей всеобщего счастья или быстрого обогащения. Появляются все уродства и несправедливость больного общества эгоистов. И если мы хотим достичь истинного виденья мира и блаженства, божественности, нам надо преодолеть эту иллюзию отдельности. А преодолеть

ее можно только любовью, любовью ко всему, — вдохновенно вещал Калки, — к себе, к людям, к Богу, к природе. И я вас призываю открыть свои сердца, выпустить скрытую в них любовь. И пусть она как солнце изливается из вас во все стороны. Начнем же медитацию любви, наполняясь ей на вдохе, а на выдохе направляя на все вокруг.

Люди начали готовиться к медитации. Тут раздался звон стекол, и через окна стали врываться омоновцы в масках с автоматами в руках. Кто-то испуганно покачнулся, кто-то даже попытался сбежать. Ян и Инна не двинулись с места, наблюдая за всем этим действием словно со стороны.

— Все морды в пол! Руки за голову! — орал их командир. Они стали пинать и бить тех, кто не успел улечься.

— А, вот он, главный террорист! — орал командир, пиная Калки ногами, который спокойно лежал на полу.

В этот момент Ян не выдержал.

— Не троньте его! — закричал Ян, подбежав и оттолкнув омоновца от учителя. — Это святой человек! Он ничего не сделал плохого! А вы, как бандиты в масках, скрываете свои лица, чтоб безнаказанно творить любые преступления, которые вам поручают делать демоны в погонах, и чтоб вас потом не могли привлечь за это!

Тут Яна огрели прикладом по голове. Он потерял сознание, и его поволокли на выход, как мешок картошки.

— Ян! — крикнула Инна и заплакала.

— Старайтесь принять с любовью и эту ситуацию, — вещал Калки. — Шум только подчеркивает тишину, движение только подчеркивает покой.

— Молчи, колдун! — стал бить его мент. — Все мозги людям засрал! Террористов готовишь тут! Мы посадим тебя, а секту твою разгоним!

Ян очнулся на полу в грязной камере. Рядом сидел чумазый бомж в рваных штанах с расстегнутой ширинкой и с любопытством рассматривал нового сокамерника.

— Закурить есть? — спросил он Яна, увидев, что тот открыл глаза.

— Пошел ты! — Ян попытался сесть. Голова болела невыносимо, к горлу подступала тошнота.

Бомж послушно отполз в угол и завозился с ширинкой. Тошнило уже просто невыносимо. Спасло от выворачивания наизнанку только лязганье двери: Яна вызвали на допрос.

На допросе жирный мент пытал Яна. Он отбросил зубочистку, подтолкнул к нему чистый лист бумаги и ручку:

— Давай, пиши, как вас тут готовили к терроризму. Если напишешь, то мы тебя не посадим, а так, найдем за что посадить тебя. Как говорится: был бы человек, а статья найдется. Нам дан приказ прикрыть вашу секту. Вас надо остановить, а то вдруг все вас слушать будут, как тогда народ в узде держать? А, давай, подписывай, что тут у вас оргии были, что насилие происходило, вымогали деньги, заставляли квартиры переписывать и повесили кого-то. Мы уже смонтировали фильм про вас.

Ян молча смотрел на него, сдерживая напряжение. Дрожащие руки непроизвольно сжимались в кулаки.

— Че-то я не понял, чего сидим — кого ждем? Кина не будет, — мент радостно засмеялся своей шутке и снова сунул Яну под нос ручку.

— Видел, чем вы тут занялись, я ничего подписывать не буду, — заявил возмущенный открытой ложью Ян. — Если у вас заказ правительства — это ваши проблемы. А я знаю, что это святой человек, и он ни в чем невиновен. Он не делал ничего, что вы ему приписываете. А ваши монтированные фильмы я видел, засуньте себе их в задницу. Я всегда знал, что по телевизору гоняют одну ложь и пропаганду. Там одни фейсы работают, что еще от них ждать? Я тут был и сам все видел, как есть. Так что, пошли вы. Я буду давать только правдивые показания.

— В каталажку его! — заорал взбешенный мент. — Пристегните его наручниками к решетке и избейте дубинками. Посмотрим, как он потом заговорит, сектант проклятый!

— Есть! — заорал опер и потащил вместе с еще тремя сотрудниками Яна из кабинета.

Глава 4. Привидение

Весь синий от побоев Ян с трудом ковылял домой. Его долго пытали, но он не стал давать лживых показаний, и ментам пришлось его отпустить.

Из ментовки его вышвырнули под утро. Старший лейтенант криво усмехнулся напоследок и шутливо ткнул его кулаком куда-то в бок. Ян поморщился от боли: его били несколько часов подряд, и любое прикосновение к телу казалось обжигающим. Он обернулся, посмотрел на этого сытого мужика в упор, вложив во взгляд всю накопившуюся за прошедшую ночь ненависть. Лейтенант не выдержал первым и опустил глаза. Ян толкнул тяжелую дверь и вышел.